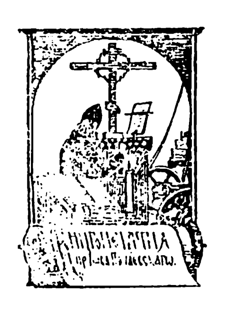
П. С. ЛОПУХИНЪ

БЕСѢДЫ СЪ ЕПИСКОПОМЪ ГАВРІИЛОМЪ

П. С. ЛОПУХИНЪ.

БЕСѢДЫ СЪ ЕПИСКОПОМЪ ГАВРІИЛОМЪ.

1940 г.

Возстановленная историческая типографія пр. Іова Почаевскаго. Владимірова. Словацкая Республика.

I

Въ 1922-5 г. г. въ Бѣлградѣ былъ небольшой кружокъ русской молодежи, интересующейся богословіемъ. Это было черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ эвакуаціи, и это была молодежь, пережившая ужасы гражданской войны. Было время горячихъ исканій отвѣтовъ на вопросъ, почему произошла невѣроятная русская трагедія, какъ могъ русскій народъ, такой одаренный, съ такими добрыми возможностями, какъ могъ онъ такъ ужасно пасть, какъ ему выбраться изъ этой пропасти, на чемъ утвердиться для возрожденія, гдѣ его путь, и смыслъ жизни. Это была молодежь, положившая основаніе Братства имени преподобнаго Серафима. Это было время горячей, напряженной жизни.

На праздникъ Срѣтенія, прійдя въ церковь, мы узнали, что служитъ новый незнакомый намъ Епископъ Гавріилъ. Съ самаго начала почувствовалось въ храмѣ что-то необычное. Священники, хоръ, vподіаконы, мальчики — всѣ были нѣсколько озабочены и подтянуты. Служба шла необычнымъ порядкомъ: облаченіе архіерея происходило въ алтарѣ. Онъ вышелъ и занялъ мѣсто на возвышеніи уже въ саккосѣ. Это было странно и необычно. Потомъ мы узнали причину этого:—Владыка былъ такъ бѣдно одѣтъ, что стѣснялся облачаться передъ всѣми.

Его огромная фигура, съ большой круглой головой, на которой съ трудомъ держалась митра, горящіе глаза и какая то напряженность производили впечатлѣніе и новое и странное, настороженное. Служба шла своимъ чередомъ.

Ектеніи, антифоны, блаженны; съ пѣніемъ аллилуія входятъ священнослужители въ алтарь, все идетъ какъ всегда, но новое это то, что всякій жестъ Владыки дѣлается имъ съ напряженнымъ вниманіемъ, отъ этого все въ богослуженіи становится особенно значительнымъ, и это всѣхъ держитъ въ сосредоточенномъ вниманіи. И вотъ въ первый разъ слышится его голосъ: „яко святъ еси Боже нашъ", голосъ высокій, звонкій и уже совершенно необычный и не соотвѣтствующій огромной фигурѣ Владыки. Странное впечатлѣніе, но не разрушающее, а наоборотъ, собирающее вниманіе. Что то необычное чувствуется въ новомъ Епископѣ. Вотъ онъ выходитъ съ дикиріемъ „Господи, Господи, призри съ небесе" .. Горящіе, страшные глаза, глубокое вниманіе къ произносимымъ словамъ. Онъ произноситъ строго по принятой формѣ, но какъ то музыкально, очень сознательно и сильно... Великій выходъ. Онъ безъ митры, лысѣющая голова, длинныя волосы; его фигура занимаетъ почти цѣликомъ царскія врата, фигура негибкая и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ чинно торжественно, какъ красиво торжественно онъ принимаетъ проскомидію... Протодіаконъ ставъ на одно колѣно, произноситъ „Архіерейство твое да помянетъ Господь Богъ"... Владыка принявъ проскомидію, ждетъ пока онъ кончитъ и не торопясь отвѣчаетъ ему: „Протодіаконство твое" и т. д. полностью и заканчиваетъ чуть замѣтнымъ ему поклономъ привѣтствіемъ. Потомъ шагъ впередъ и также строго чинно и вдумчиво возглашаетъ поминаніе Короля Александра. Тихо поворачивается и ставитъ дискосъ на престолъ. Такое же медленное чинное взаимное привѣтствіе съ настоятелемъ храма. Поминанія идутъ своимъ чередомъ, и наконецъ: „Васъ..." длинная пауза, во время которой онъ съ наклоненной головой обводитъ всю церковь поклономъ, а ему

въ отвѣтъ несется короткій гулъ голосовъ „Архіерейство твое“, и когда онъ кончается:... „и всѣхъ православныхъ христіанъ, да помянетъ Господь Богъ во Царствіи Своемъ..“ Такъ все дѣлается торжественно, такъ внимательно—напряженно. Что это, спрашиваешь себя:—разработанная манера, внѣшность и только? Нѣтъ... — глубокое духовное вниманіе и вдумчивость подсказали и этотъ темпъ и сосредоточенность его служенія. Ихъ создало глубокое благочестивое проникновеніе въ великія событія совершающіяся на литургіи. За этой внѣшностью чувствуется духовный огонь, горящій въ его глазахъ и захватывающій всѣхъ молящихся. Но вотъ онъ вышелъ говорить проповѣдь. Первое мгновеніе онъ просто былъ страшенъ: горящіе глаза, блѣдное, слегка вспотѣвшее лицо. Онъ вышелъ и быстро, пристально осмотрѣлъ всю церковь. Кто-то кашлянулъ на правомъ клиросѣ. Онъ вздрогнулъ и такъ и метнулся туда глазами. Все затихло. „Радуйся Благодатная Богородице Дѣво, изъ Тебе бо возсія Солнце правды, Христосъ Богъ нашъ, просвѣщая сущія во тьмѣ“—громко воскликнулъ, почти прокричалъ онъ тропарь праздника. Лицо его дрогнуло, и тихимъ голосомъ онъ продолжалъ: „этотъ радостный кличъ несется сегодня изъ сердецъ православныхъ, собравшихся на срѣтеніе Христа младенца, на рукахъ ликующей Богоматери“. И онъ началъ говорить о возсіявшемъ Солнцѣ правды, о божественной сущности Богочеловѣка, просвѣщающей сущія во тьмѣ, о Его свѣтѣ проявившемся въ день Преображенія и отражающемся на вѣрующихъ въ великую Пасхальную ночь. Я не могу воспроизвести ее на память, но могу сказать, что онъ проповѣдывалъ и горѣлъ духомъ, радовался и ликовалъ восходу Солнца правды, плакалъ о сидящихъ во тьмѣ и о томъ, что это Солнце правды пришло ради нихъ, ради темныхъ и грѣшныхъ.

Радостные и взволнованные мы расходились по домамъ. Я былъ разъ на литургіи, когда служилъ одинъ священникъ софіанецъ. Про его служеніе тоже можно сказать, что онъ служилъ напряженно, внимательно, но послѣ его служеніе чувствуешь нервное утомленіе и тяжесть на душѣ, будто присутствовалъ при какомъ-то заклинаніи. Послѣ служенія владыки Гавріила на душѣ было отрадно, утомленіе здоровое. Это трудно объяснить, но кто испыталъ, ьнаетъ это чувство и эту разницу. Этому не надо дивиться: такъ должно быть и душа не можетъ не отзываться по разному на духовное, благодатное горѣніе православнаго епископа и на возбужденіе софіанца, не вѣдающаго и не хотящаго вѣдать благодатной радости смиренія.

Такъ началось наше знакомство съ епископомъ Гавріиломъ. Господь далъ намъ счастье потомъ лучше узнать этого удивительнаго человѣка и впослѣдствіи сблизиться съ нимъ настолько, что онъ называлъ насъ „моя паства" или „мои кадровые слушатели".

Многіе русскіе въ Бѣлградѣ хорошо знали владыку, какъ проповѣдника и лектора, но мы еще знали, его какъ собесѣдника и духовнаго наставника въ частныхъ бесѣдахъ. Вотъ объ этихъ бесѣдахъ я и хочу попробовать разсказать, надѣясь, что въ нихъ читатели найдутъ мысли и образы, которые помогутъ имъ ближе понять этого оригинальнѣйшаго и одареннѣйшаго человѣка.

Бесѣды съ епископомъ Гавріиломъ происходили въ Бѣлградѣ въ самыхъ различныхъ условіяхъ и мѣстахъ: въ трамваѣ, на пароходѣ въ пригородъ — Земунъ, на улицахъ, на вокзалѣ, иногда въ Бѣлградской квартирѣ владыки митрополита Антонія, гдѣ останавливались пріѣзжавшіе въ Бѣлградъ епископы. Епископъ Гавріилъ уже былъ боленъ, когда мы его узнали. Онъ изрѣдка пріѣзжалъ въ Бѣлградъ изъ мо-

настыря, въ которомъ онъ жилъ постоянно. Онъ передвигался уже медленно, съ трудомъ и неувѣренно. Его надо было встрѣчать, провожать, помогать ему. Онъ не любилъ оставаться одинъ, и при немъ всегда кто-нибудь дежурилъ. Онъ любилъ людей, любилъ общеніе съ ними и всегда хотѣлъ посѣтить кого-либо, и его надо было провожать. Чтобы пройти нѣсколько кварталовъ ему нужно было часъ времени И тутъ то и происходили наши бесѣды. Ему можно было задать любой, самый сложный, вопросъ среди уличнаго шума и суеты и онъ отвѣчалъ на него сразу, и самой точной формулой. Быстрота отвѣта особенно поражала: во первыхъ чувствовалось какъ глубоко и ясно продуманъ и проработанъ вопросъ, а кромѣ того было видно, какъ близки ему эти вопросы всегда, въ любое время, что онъ постоянно ими живетъ. Не то, что когда-то думалъ, а какъ будто сегодня, почти сейчасъ только онъ думалъ о нихъ и жилъ ими. Его отвѣты были быстры, точны и кратки, Требовалась особая бодрость духа, напряженіе ума и духовнаго слуха, чтобы ихъ сразу схватить. А онъ любилъ, чтобы его понимали сразу: отвѣтитъ и грузно повернется и смотритъ понялъ или нѣтъ? и если понялъ, то онъ доволенъ и радуется. Сдѣлаетъ два шага впередъ и опять посмотритъ. И мы стоимъ среди тротуара, среди снующихъ и удивленно натыкающихся на насъ прохожихъ. Еще двумя тремя фразами онъ углубитъ свою мысль и опять смотритъ и радуется и вдругъ скажетъ какую-нибудь шутку или пропоетъ что-нибудь изъ относящихся къ его мысли богослужебныхъ стихиръ. И потомъ опять идемъ, а черезъ нѣсколько шаговъ опять остановка, и вотъ, мы стоимъ и на насъ удивленно наталкиваются люди и обходятъ по обѣ стороны. Огромная фигура, въ широкополой и странной какой-то шляпѣ съ твер-

дыми полями, немного согбенная на правый бокъ, съ трудомъ передвигающаяся была такъ оригинальна, такъ необычна, что вызывала удивленіе и всегда какое-то почтеніе и симпатію. Онъ отлично говорилъ по-сербски и охотно заговаривалъ съ незнакомыми. Въ разговорѣ онъ всегда смотрѣлъ прямо въ глаза съ такой искренней любящей откровенностью радушіемъ и веселіемъ, что всѣ поддавались его настроенію. Его глаза свѣтили умомъ и веселіемъ. Однажды онъ ѣхалъ въ трамваѣ. Съ трудомъ влѣзъ при помощи кондуктора (они ему всегда помогали) и вошелъ въ вагонъ. Ему сейчасъ же уступили мѣсто; онъ сѣлъ и началъ разговаривать сразу со всѣми и черезъ минуту сталъ центромъ общаго вниманія, при чемъ всѣ смотрѣли на него съ улыбкой. Предъ нимъ сидѣлъ мальчикъ сербъ съ матерью. Владыка началъ ему говорить про себя, что вотъ онъ какой большой и толстый, занялъ сразу два мѣста, а платитъ одинъ билетъ, „это не порядокъ, почему такъ?" „Потому что ты красивъ" (за то што ти си леп)—твердо сказалъ мальчикъ. Это было очень неожиданно, всѣ засмѣялись, но мальчикъ не сконфузился. „Нѣтъ я не красивъ, отвѣчалъ ему владыка, я старый, толстый, больной: ты красивъ—ты молодъ, здоровъ, а не я" „Нѣтъ ты красивъ, я вижу, что ты красивъ"—увѣренно отвѣтилъ мальчикъ. Этотъ неожиданный разговоръ, помню, я разсказалъ одной дѣвочкѣ лѣтъ десяти, которая знала владыку, и она отвѣтила, что мальчикъ сказалъ правду, потому что у владыки такіе удивительные глаза, и въ нихъ такъ пріятно смотрѣть, мальчикъ это почувствовалъ и вотъ и сказалъ, что самъ владыка красивъ.

Итакъ мы на главной улицѣ, Кн. Михайловой, въ Бѣлградѣ. Весна, третья недѣля Великаго Поста. 10 часовъ утра. Владыка въ 12 долженъ

быть у патріарха. За два часа дойдемъ кварталовъ семь, и мы потихоньку двигаемся.

„Владыко, а вы будете здѣсь на Крестопоклонной“?... Молчитъ. „Владыко, будете“? Останавливается и смотритъ на меня: „Возсіяй Господень кресте, свѣтолучныя молніи Твоея благодати въ сердца чтущихъ тя и благопріятною любовію пріемлющихъ“. „Что это значитъ? Вы будете“?... „Буду“.. „А почему выносится крестъ на этой недѣли“? „Я вамъ сказалъ“ „Я не понялъ“. „Возсіяй свѣтолучныя молніи благодати въ сердца. Люди устаютъ отъ поста, нужна новая сила для подвига. Поняли?—„Понялъ, но не совсѣмъ Скажите,—почему именно крестъ? что такое крестъ?“ — „Знакъ подвига любви“... Останавливается и смотритъ.. — „Вы говорите знакъ подвига любви... А не знакъ страданія?“ „Нѣтъ. Страданія были вольныя, они были потому, что Спаситель пожелалъ ихъ принять ради любви къ людямъ Рѣшающее значеніе имѣли воля и любовь. Покланяясь страстямъ, мы прославляемъ первопричину ихъ — любовь, и Крестъ Господень есть знакъ подвига любви, не убоявшейся страданія и смерти и ихъ побѣждающей“. „Возьми крестъ твой и по Мнѣ гряди“ —возьми подвигъ любви, побѣждающей грѣхъ, „и по Мнѣ гряди“. Страдающій не есть синонимъ несущаго крестъ Христовъ. Страдаютъ и всѣ грѣшники... отъ неудовлетворенныхъ страстей. Разбойникъ ошуюю тоже былъ на крестѣ и страдалъ вдвойнѣ—и отъ боли и отъ злобы, но спасается другой, въ которомъ, несмотря на страданія физическія, горѣла любовь къ Спасителю. Это величайшее проявленіе любви, побѣждающей страданія физическія Когда какая-нибудь госпожа, отъ суеты, раздраженія, зависти и злобы изнемогаетъ отъ усталости и говоритъ, что несетъ тяжелый крестъ...—она совершенно права, но это крестъ не Христовъ, а разбой-

ничій... Поняли? Вама допада ова господжа? (Вамъ нравится эта барыня?)". „Понялъ и господжа не допада". Онъ улыбается и мы идемъ дальше. „Интересно, владыко". Останавливается: —„Очень интересно" и смотритъ на меня такъ сильно, такъ жизнерадостно, что и я смотрю на него всей душой, уходя за нимъ въ міръ созерцанія Божественной жизни. „Что вы улыбаетесь?" „Да вы сами улыбаетесь, Владыко". Онъ немного растроганъ, поварачивается, идетъ дальше и вдругъ какой то сербъ изъ провинціи, радостно восклицаетъ: „О-о, то сте ви (это вы) владыко?", добар дан, добар дан.." „Добар дан" „Како сте (какъ вы) владыко". „Е хвала на питанью (благодарю за вопросъ), како код вас"? „Хвала Богу—све іе добре (все хорошо") „Па како иначе? (какъ въ другихъ отношеніяхъ). „Па и иначе све добро" „Пріятно, поздравите кучи (привѣтствуйте домашнихъ.) „Хвала лепо, хвала лепо, (очень благодарю) владыко". И прощаются. Ушелъ „Владыко, кто это?" „Не знаю" и сладко, сладко смѣется. „Я люблю сербовъ. У нихъ нищіе не говорятъ „подайте", а—„добар дан". Онъ представляетъ какъ они кланяются и говорятъ „добар дан", смѣется и мы идемъ дальше.

„Владыко, а почему крестъ есть отгнаніе бѣсовъ?" По ассоціаціи.. Крестъ имъ напоминаетъ всепобѣждающую силу Божественной любви, побѣду надъ смертью, напоминаетъ побѣду надъ ними, ихъ безсиліе, и этого они не выносятъ".

Здѣсь насъ перебиваетъ какая-то дама, съ которой онъ очень дружественно разговариваетъ. Она одѣта по бѣженски,—старое пальто и вязаная шапка, въ которыхъ ходили во времена добровольческой арміи. Спокойная, простая, говоритъ весело, просто, улыбается. Ушла.

„А это кто?" Одна очень благочестивая женщина. Ея мужъ былъ, боленъ и мы вмѣстѣ

съ нимъ были въ больницѣ. Хорошіе люди. Бѣдность, нищета, но не теряетъ способности жить, не угнетена, жизнерадостна, живетъ какъ птица небесная. Спаси ее, Господи". „Владыко, знаете, я этого образа „птицы небесной" не очень понимаю". „Чего же вы не понимаете?" „Его художественной правды, его приложимости къ жизни;—потому что мы всѣ такъ или иначе сѣемъ, жнемъ, трудимся..." „А она не трудится? Благодарю васъ покорно. Попробуйте такъ потрудиться, какъ птица, отъ зари до зари, при полной беззащитности и неорганизованности жизни, я посмотрю что вы скажете". — „Тогда въ чемъ же сущность этого образа?" „Въ томъ, что она не угнетена своимъ трудомъ и заботой. Она трудится съ пѣсней. Она вылетаетъ изъ гнѣзда твердо вѣря, что найдетъ питаніе себѣ и птенцамъ. Человѣкъ долженъ вѣрить, что если онъ будетъ трудиться, то Господь устроитъ его существованіе. Онъ долженъ жить въ настроеніи вѣры, а не угнетенности заботой. Въ этомъ смыслъ этого образа". Онъ вдругъ остановился и отъ души засмѣялся: „У насъ въ семинаріи былъ преподаватель, который, объясняя это мѣсто, рекомендовалъ въ затруднительную минуту жизни полную пассивность. Надо, говоритъ, ждать, что Богъ пошлетъ, какъ пташка, которая сидитъ ожидая мошку и чирикаетъ на вѣткѣ. Попробуй такъ, почирикай. Съ голоду умрешь. Хорошій былъ человѣкъ, добродушный, а иногда такую чушь несъ. Спаси его Господи".

Идемъ дальше. „Владыко, я хочу опять о крестѣ говорить". „Говорите—я послушаю". „Нѣтъ, я хочу спрашивать". „Спрашивайте" — „Вы говорите крестъ—знакъ подвига любви, и діаволъ его боится по ассоціаціи. Но тогда онъ долженъ бояться всякаго креста. Тогда онъ не можетъ подойти къ храму, а между тѣмъ..." „А между тѣмъ, перебилъ меня владыка, Василій

Блаженный билъ камнями демоновъ сидящихъ на стѣнахъ храма. Вы это хотѣли сказать?" Да, ну какъ же это?" Крестъ есть знакъ подвига любви и силы любви. Прогоняетъ бѣсовъ сила Христова. Помните слова: силою на тебѣ Пропятаго. Сила присущая Христу, сила надъ діаволомъ побѣдная, она изгоняетъ бѣса а крестъ есть знакъ этой силы Что такое самъ крестъ? Двѣ перекрещенныя палки. Бѣсъ изгоняется не этими двумя палками и не перекресткомъ, а силою Христовой. Когда человѣкъ креститъ нечистую силу, это значитъ что онъ въ борьбѣ съ сатаной, или вѣрнѣе — въ борьбѣ сатаны съ Богомъ, находится на сторонѣ Бога и поднимаетъ оружіе которымъ діаволъ былъ побѣжденъ. Это оружіе не двѣ палки, и не ими онъ прогоняется, а Христова сила, къ которой человѣкъ съ вѣрой обращается. Существенное въ этой борьбѣ то что человѣкъ съ Богомъ, съ міромъ побѣждающимъ міръ сатаны. Значитъ изгоняетъ бѣса Христова сила.. Монахи на Аѳонѣ говорятъ, что если крестить бѣса небрежно то такой крестъ не дѣйствуетъ... Что это значитъ?" „Ну? что это значитъ?" „Это значитъ, что человѣкъ не холоденъ и не горячъ..." „Простите владыко, я не понимаю". Владыка сердится: „Ну чего вы не понимаете, это такъ понятно. Это значитъ, что въ данный моментъ этотъ Аѳонскій монахъ, съ его небрежнымъ крестомъ... по отношенію къ міру свѣта и міру тьмы занимаетъ положеніе благожелательнаго къ свѣту нейтралитета. Онъ не становится на сторону свѣта. Онъ ни холоденъ, ни горячъ Онъ ничто, въ немъ, и въ его крестѣ нѣтъ силы, потому что онъ въ данный моментъ ей непричастенъ. Поняли?" „Понялъ. Значитъ побѣждаетъ всегда побѣдная сила Христова, и въ данный моментъ побѣждаетъ она же, если я ей причастенъ, и самое краткое и полное выраженіе моей причастности ей

вѣрою моей, это крестъ—знакъ побѣды любви. Такъ?" „Такъ... фино (тонко.) Прекрасно". „Хорошо, пойдемъ дальше..." „Пойдемте". „Нѣтъ, я хочу дальше спрашивать". „Спрашивайте..." — „Вотъ этотъ нейтральный какъ вы говорите, человѣкъ, вѣдь онъ все-таки крестится, все-таки онъ мыслитъ себя въ мірѣ свѣта..." „Онъ ничего не мыслитъ: небрежный крестъ—это механическое движеніе; онъ небреженъ потому, что его душа спитъ́ Въ мірѣ свѣта, въ мірѣ божественномъ, нельзя быть пассивнымъ. Міръ Божественный такъ удивителенъ и такъ чуждъ грѣховному человѣку, что послѣдній находится въ немъ и углубляется въ него всегда съ усиліемъ. Онъ всегда идетъ противъ теченія: мутныя воды страстной человѣческой природы относятъ его внизъ, и онъ можетъ двигаться впередъ и даже только стоять на мѣстѣ—постоянно гребя... Это Аѳонское преданіе, наивное по формѣ, очень глубоко по содержанію..."—„Владыко, святый, а что такое цѣлованіе креста: что мы цѣлуемъ знакъ или самый крестъ?" „Это вы сами можете сообразить" „Но вы все-таки скажите..." „Поклоняемся кресту, какъ символу Христа, Его побѣды, Его силы и Его любви, а цѣлуемъ священную вещь".—„А почему цѣлуемъ?"—„Самое нѣжное и осторожное прикосновеніе къ священному міру". „Это то же, что цѣлованіе иконъ?"

Владыка не отвѣчаетъ, потихоньку идетъ, останавливается и поетъ: „Крестъ начертавъ Моисей, прямо Чермное пресѣче...," а объ иконахъ до другого раза. Надо идти къ Патріарху. По улицѣ Короля Петра въ одномъ мѣстѣ очень скользко... Вы тамъ должны идти у меня съ лѣвой стороны". „Но въ лѣвой у васъ палка". — „Палка... она тоже можетъ поскользнуться..." Онъ вдругъ останавливается: „А можетъ быть и вы поскользнетесь? „Нѣтъ, я не поскольз-

нусь“. „Въ переносномъ смыслѣ я знаю, что вы не поскользнетесь, Господь сохранитъ васъ, но въ прямомъ.. Вы не внушаете мнѣ довѣрія. Вотъ Иванъ Алексѣевичъ тоже хорошій человѣкъ и надежный, но ходить съ нимъ въ гололедицу... избави Богъ. Онъ меня не держитъ, а говоритъ о „подобныхъ“ на самыхъ скользкихъ мѣстахъ... Никодимъ, рабъ Божій, надежнѣе васъ всѣхъ. Но надо ему отдохнуть: онъ меня три дня, какъ медвѣдя, по улицѣ водилъ“. Мы доходимъ до угла улицы Короля Петра. „Ну смотрите—всюду посыпано“ Владыка опасливо озирается: „Да... какъ будто ничего... Тамъ, около Патріарха, есть опасное мѣсто: тамъ булыжники округленной поверхности и потому точка опоры и тренія сокращается...“ Потихоньку мы доходимъ до „опаснаго мѣста“, но и оно не очень опасно, и мы благополучно входимъ въ ворота Патріархіи. Владыка отдыхаетъ отъ страха на булыжникахъ округленной поверхности, улыбается, благословляетъ: „Съ Богомъ, поздравите господжу, полюбите (поцѣлуйте) дѣтей“. „Владыко, а когда же теперь увидимся?“—„Приходите завтра. Мы сегодня съ Леонидомъ Ивановичемъ идемъ въ баню“. „А вы съ нимъ не боитесь ходить?“ „Нѣтъ“. „Онъ надежный?“ „Надежный“. „Во всѣхъ отношеніяхъ?“ Во всѣхъ... если не сойдетъ съ ума“. „Отчего?“ „Отъ спорта“. „Да развѣ отъ него можно сойти?“ „Можно“. Почему?“ „Потому что можетъ поглотить человѣка“. „Но его не поглотитъ“? Но слышно какъ наверху открываются двери и онъ не хочетъ говорить. „Съ Богомъ, поздравите господжу, полюбите децу“. Съ лѣстницу спускаются два серба и съ улыбкой и почтительно кланяются владыкѣ, подходятъ къ нему, онъ поворачивается къ нимъ, и мы разстаемся до утра...

II

„Любезный о Господѣ П. С. Получилъ Ваше письмо съ просьбою прочесть лекцію о Церкви. Вы заказываете мнѣ лекціи, какъ кухаркѣ блюда. Позвольте епископу самому рѣшить, что вамъ читать. Пріѣду во вторникъ 20 октября по старому стилю, въ 5 ч. 35 минутъ вечера. Поздравите господжу, полюбите децу. Е. Г,".

Это письмо я получилъ въ отвѣтъ на просьбу, написанную въ результатѣ многихъ размышленій о Церкви. Владыка намъ уже прочелъ циклъ лекцій на тему „Евангельскія притчи", и мы сознавали, что намъ мѣшаетъ понять всю глубину его толкованій то, что намъ было неясно—что такое Церковь, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы чувствовали, что именно здѣсь ключъ къ уразумѣнію всего дѣла домостроительства Господня, поскольку оно можетъ быть уразумѣваемо людьми... Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы чувствовали, что владыка именно этотъ догматъ какъ то особенно ярко понимаетъ, живетъ имъ, что это даетъ ему методъ для разрѣшенія множества вопросовъ и между прочимъ методъ для толкованія Евангелія, и что утвердившись на этомъ камнѣ вѣры, онъ такъ спокойно и какъ власть имущій учитъ насъ. Потому то я и написалъ ему длинное письмо и просилъ говорить о Церкви и только о ней. Полученный отвѣтъ меня не только огорчилъ, но откровенно сказать и разсердилъ: мнѣ было досадно, что владыка не понимаетъ, какъ это важно для насъ и вообще не чувствуетъ, что намъ надо... Съ такими чувствами въ 5, 35 м. я былъ на вокзалѣ.

Приходитъ поѣздъ, суета, владыки нигдѣ не видно, бѣгу вдоль поѣзда,—нигдѣ нѣтъ. Когда схлынула волна пассажировъ, въ одномъ изъ опустѣвшихъ вагоновъ 3-го класса, я уви-

дѣлъ грузную фигуру больного владыки. Прижимая къ себѣ палку больной рукой, и здоровой держа корзинку, онъ стоялъ, загородивъ бокомъ окно, и тщетно стараясь открыть дверь на площадку. Я быстро вошелъ, открылъ дверь, и сердце невольно сжалось при видѣ его блѣднаго, измученнаго безпомощностью лица. Я взялъ у него корзинку и сразу забылъ недовольство, остроту о кухаркѣ и, какъ мнѣ казалось, его непониманіе: вѣдь съ такимъ трудомъ онъ, больной, ѣхалъ только для того, чтобы читать лекціи небольшому кругу лицъ, его постоянныхъ „кадровыхъ", какъ онъ говорилъ, слушателей Слабая улыбка тронула его лицо: „Я думалъ, что вы меня забыли и не пришли..." „Ну, какъ можно". „Вы получили мое письмо?" „Получилъ". „Вамъ понравилась кухарка?" „Нѣтъ. Нѣтъ, владыко, совсѣмъ не понравилась. По правдѣ сказать ничего похожаго нѣтъ. Это вы какъ то совсѣмъ неудачно написали". „Нѣтъ, удачно" „Да вѣдь невѣрно, вѣдь ничего похожаго нѣтъ". „Нѣтъ, есть". „Ну хорошо, пойдемте только, — что мы стоимъ въ вагонѣ, надо идти, это мы потомъ обсудимъ". Я видѣлъ, что онъ улыбается и что-то знаетъ, чего я не понимаю, и это вызывало во мнѣ досаду и на него и на себя; онъ мое настроеніеповидимому понималъ, и ему было смѣшно. Я заговорилъ о чемъ то другомъ, онъ отвѣчаетъ, но все про себя что-то улыбается.

Медленно двигаясь, — владыка почему то шелъ не только медленно какъ всегда, но на этотъ разъ еще и прихрамывая, — мы не безъ труда выбрались изъ новой волны пассажировъ, хлынувшей садиться въ вагоны, и вышли на крыльцо. Владыка не могъ ѣздить ни въ каретѣ, ни въ автомобилѣ, потому что не могъ въ нихъ влѣзать. На счастье стояла пролетка. Открыли верхъ, и владыка съ трудомъ поднялся на подножку и сѣлъ, скорѣе свалился на сидѣ-

нie, занявъ его почти все. Кое-какъ бокомъ, я всунулся рядомъ съ нимъ съ лѣвой стороны, и мы усѣлись оба повернувшись въ правую. Поѣхали. Я что-то спросилъ его. „Пожалуйста ничего не говорите, потому что вы не можете слышать мои отвѣты, когда я говорю, отвернувшись отъ васъ". Ѣдемъ молча, но я вижу, что ему что-то не по себѣ, что онъ какъ то морщится. „Владыко,—вы нездоровы?" Онъ разсердился: „Что вы спрашиваете о здоровьи человѣка еле живого, съ совершенно разбитымъ здоровьемъ". „Но я замѣтилъ, что вамъ что-то не по себѣ" „Это по другой причинѣ..." „По какой...?" „Ахъ, да не спрашивайте пожалуйста, когда вы ничего не можете сдѣлать..." „Извините". „Да не въ томъ дѣло... У меня разорвана подошва... Сегодня на станцiи... я повидимому на что-то наступилъ, и это осталось въ подошвѣ. Мнѣ приходится сейчасъ налегать на эту ногу, и вотъ это мнѣ дѣлаетъ больно". „Такъ дайте я выну". „Нѣтъ, мы лучше доѣдемъ". „Но почему же, разъ это дѣлаетъ вамъ больно?" „...Но вѣдь вы же не можете помочь..." „Да почему не могу. Стой!" Извозчикъ остановился, я слѣзъ, владыка съ трудомъ выставилъ ногу, и я какой то щепкой выкопалъ изъ совершенно протертой подметки застрявшiй тамъ порядочный гравiй. „Ну вотъ видите—вынулъ!" „Да, къ удивленiю вынули. Благодарю васъ". „Почему—къ удивленiю?" „Потому что—къ удивленiю". „Ну все равно, ѣдемте, я буду молчать, а дома вы мнѣ разскажите, почему Вы меня не поняли и написали про неудачную кухарку". „Все понялъ, и кухарка очень удачная".

Когда мы прiѣхали, квартира владыки еще не была натоплена, и около печки возился студентъ богословъ. Владыка, какъ былъ, въ шубѣ, вошелъ въ комнаты и сѣлъ въ столовой. Видимо онъ былъ очень утомленъ, и мы молчали. Когда желѣзная печь стала быстро нагрѣвать

комнату, онъ приказалъ растегн"ть верхнюю зимнюю рясу и снять шарфъ, и сидѣлъ какъ будто дремалъ. Когда комната совсѣмъ нагрѣлась, онъ рѣшился снять теплую рясу и снова сѣлъ. Лицо блѣдное, измученное, мы молчали. Вдругъ онъ открылъ глаза и слегка улыбнулся: „фино"... „Тепло"? „фино"... и опять задремалъ. Потомъ открылъ глаза и улыбнулся. „Хорошо Вамъ"? „Ничего". и вдругъ засмѣялся: „итакъ Вамъ на понравилась моя кухарка"? „Ни капельки" „А вѣдь тонкая кухарка?" „Да нѣтъ, Владыко, въ самомъ дѣлѣ неудачно: начать съ того, что я не заказывалъ, а просилъ. Затѣмъ —просилъ читать о Церкви"... „А я только это и дѣлаю", неожиданно отвѣтилъ владыка и воззрился на меня. „Какъ такъ? Вы никогда не читали намъ о Церкви. Вы читали о притчахъ Господнихъ"... „Въ которыхъ — быстро перебилъ меня владыка, — раскрывается законъ Божественной жизни, раскрывается содержанiе этой жизни, и вотъ люди причастныя этой жизни — это и есть Церковь". „Ну ка, скажите поподробнѣе" „Да что тутъ труднаго? Церковь есть особый мiръ, особая жизнь, особый, если хотите, духовно-тѣлесный организмъ, Глава котораго Христосъ. Онъ въ Себѣ создалъ новую жизнь — Богочеловѣческую и далъ людямъ возможность прiобщитъся этой новой жизни. Люди прiобщенные этой новой жизни, прiобщенвые Христу —есть новая тварь— Церковь. Содержанiе новой жизни даетъ Христосъ. Вотъ это содержанiе или законы новой — Христовой жизни и раскрываются въ притчахъ, о которыхъ я Вамъ и говорилъ. Значитъ я Вамъ читалъ о Церкви. Понятно?" „Подождите Владыко, дайте я лучше вникну. Прежде всего: въ притчахъ говорится о людяхъ, а въ Церкви не только люди, но и ангелы". „Да, но въ притчахъ говорится о законѣ божественной жизни въ образахъ понятныхъ людямъ. — „Если не понимаете, когда го-

ворю Вамъ о человѣческомъ, какъ поймете, когда скажу о божественномъ"? Чтобы понять жизнь божественную, надо прежде всего постараться понять настроеніе человѣка живущаго этой жизнью; Господь Іисусъ Христосъ не сказалъ ученикамъ что есть Церковь, а въ притчахъ раскрывалъ ея сущность. Познать и полюбить сущность божественной жизни, пріобщиться ей въ этомъ и есть смыслъ жизни человѣка". „Владыко, но вотъ Вы же знаете, что есть Церковь"? „И Вы знаете, только не знаете, что знаете... Вы меня спрашиваете, требуете лекцій, это васъ влечетъ къ себѣ эта жизнь... Въ этомъ все дѣло. Дать точныя опредѣленія Церкви можетъ быть даже невозможно. Ап. Павелъ говоритъ — Тѣло Христово, но самъ еще дополняетъ это опредѣленіе и говоритъ о тѣхъ внутреннихъ процессахъ, ростѣ и созрѣваніи въ любви, которые происходятъ въ этомъ тѣлѣ. Но полюбить эту жизнь, полюбить пріобщенность ко Христу, единство людей пріобщенныхъ къ новой Христовой жизни, повѣрить въ эту жизнь, и въ ея силу, которая раскрывается въ тѣхъ же притчахъ, — о квасѣ, о зернѣ горчичномъ,— вотъ это и значитъ познать Церковь. Въ притчахъ прямо говорится о такой любви къ Христовой жизни — вспомните притчу о сокрытомъ сокровищѣ, о жемчужинѣ... Да, это жизнь особенная; Церковь есть особый міръ; эта мысль выражена въ притчѣ о дворѣ овчемъ: этотъ дворъ отдѣленъ отъ остальной жизни, у него есть своя ограда — законы евангельскіе у него есть своя дверь — Христосъ: только черезъ Него можно входить въ эту жизнь. Что это значитъ? — это значитъ, что быть въ этомъ дворѣ — въ этой жизни можно только пріобщившись ко Христу, начавъ жить Его жизнью. Наши интеллегенты которые не прочь иногда поговорить о религіозныхъ вопросахъ, любятъ вспоминать слова: „Гдѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я среди

нихъ" (Мѳ. 18 20). Они любятъ приводить эти слова, между прочимъ въ доказательство того, что Христосъ пребываетъ со всѣми, кто призываетъ Его имя, и на этомъ они строятъ теорію о равенствѣ всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Между тѣмъ слова „во имя Мое" надо понимать въ смыслѣ духа и настроенія Христа. Между тѣмъ христіанскія исповѣданія въ этомъ именно различаются отъ истинной православной вѣры: скажите что есть общаго въ духѣ и настроеніи православнаго и хлыста? Какое можетъ быть между ними внутреннее и духовное единство? Никакого, ибо настроеніе послѣдняго есть то состояніе, отъ котораго бѣжитъ первый. Эти слова были сказаны апостоламъ — „что вы свяжете на землѣ, то будетъ связано на небѣ" и „Истинно говорю вамъ, что если двое или трое изъ васъ согласятся просить, то будетъ имъ дано отъ Отца Моего" эти вы, о которыхъ говоритъ Христосъ — это апостолы, это христіане пріобщенные ко Христу духомъ и сердцемъ, и только они и могутъ собраться во имя Его. „Кто не со Мною, тотъ противъ Меня; и кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ" (Мѳ. 12, 30): „Не собираетъ" это еще болѣе подчеркиваетъ мысль „кто не со Мною", собирать вмѣстѣ со Христомъ „значитъ дѣлать одно съ Нимъ дѣло, жить одной съ Нимъ жизнью... Понимаете?"—вдругъ спросилъ Владыка. Я не сразу могъ отвѣтить на его вопросъ и на его неожиданно горячую, вдохновенную рѣчь—слишкомъ много вопросовъ и мыслей толпилось въ головѣ. Но Владыка не сталъ ждать пока я въ нихъ распутаюсь и продолжалъ:

„Если вы внимательно слѣдите за моей мыслью, то у васъ долженъ возникнуть вопросъ что же обусловливаетъ нахожденіе въ Церкви: правильное внутреннее состояніе человѣка или правильная вѣра. Такъ? вы думали объ этомъ?" Эти, слова меня даже взволновали: я какъ разъ

думалъ объ этомъ. „Ну и отлично, очень хорошо. На этотъ вопросъ я вамъ и отвѣчу: нужно и то и другое. Нельзя быть со Христомъ, если человѣкъ невѣрно представляетъ себѣ Христову жизнь, если онъ чуждъ ей. Вѣроисповѣданія различаются именно въ томъ, что они по разному представляютъ сущность и содержаніе Христовой жизни. Пусть они сходятся въ томъ, что признаютъ за добродѣтель милость и любовь, но они по разному представляютъ себѣ отношеніе Христа къ человѣку: никто кромѣ православныхъ не вѣритъ въ возможность преискренняго, существеннѣйшаго пріобщенія ко Христу. Для протестантовъ Онъ нѣкая отвлеченность. Но протестанты недаромъ вышли отъ католиковъ— всѣ юридическія представленія послѣднихъ, также построены на томъ, что нѣтъ этого живѣйшаго сознанія и ощущенія пріобщенности ко Христу. Въ этомъ все существо отличія и тѣхъ и другихъ отъ православныхъ. Православный отличается отъ нихъ внутреннимъ устроеніемъ и мыслью о томъ, каково должно быть христіанское настроеніе. Православный и инославный никогда не могутъ имѣть того „собора" того внутренняго единства, о которомъ говоритъ Спаситель Апостоламъ: они не могутъ собраться „во имя Христово" потому что они по разному понимаютъ, чего хочетъ отъ нихъ Христосъ, по разному и разное будутъ „собирать". Это вамъ на вопросъ объ исповѣданіи. Но одного исповѣданія мало—за нимъ требуется вѣрное внутреннее устроеніе, котораго, запомните это не можетъ быть при невѣрномъ исповѣданіи. Нужна постоянная внутренняя работа надъ собою, постоянное уподобленіе тому купцу, который ищетъ сокровища, постоянная дѣятельная любовь и стремленіе ко Христу. Что значатъ ваше вѣрное пониманіе Христовой жизни, если у васъ нѣтъ любви къ этой жизни, если вы чужды ей? Это вѣрное пониманіе—этотъ великій

благодатный даръ онъ дѣлаетъ васъ только болѣе виноватымъ въ вашей отчужденности отъ Христа. Вотъ что должны помнить православные... Грѣхами человѣкъ все дальше и дальше отдаляется отъ Церкви... Вы обратили вниманіе на слова, которыя духовникъ читаетъ надъ вами, когда на исповѣди разрѣшаетъ васъ отъ грѣховъ: „возсоедини его Святой Твоей Церкви?“ Такъ вотъ знайте, что грѣхи нераскаянные васъ дѣйствительно отдѣляютъ отъ Церкви. Нераскаянный грѣхъ есть богоборчество: какъ же можно быть въ Церкви, въ Христовой жизни, если человѣкъ внутренно борется съ этой жизнью? Вотъ недавно владыка Антоній приводилъ вамъ слова Іоанна Златоуста о томъ, что главная черта, которой отличается христіанинъ, есть именно покаяніе — христіанинъ это кающійся человѣкъ...“

Владыка задумался и опустилъ голову. Вдругъ лицо его вздрогнуло, и на глазахъ показались слезы. Онъ немного отвернулся и хотѣлъ достать платокъ, онъ оказался въ теплой рясѣ. Пока я копался, доставая его, владыка внимательно слѣдилъ за мной. Я обернулся подавая платокъ—владыка смотритъ на меня съ ласковой, доброй, доброй улыбкой...: „Итакъ?“ „Итакъ очень интересно“ „Очень? а куварица моя вамъ не понравилась“? „Нѣтъ. Вѣдь вотъ вы сейчасъ говорите же мнѣ о Церкви, почему же нельзя читать лекцій о ней?“ „Это вы хотите, чтобы я вамъ читалъ лекціи по догматическому богословію, а я этого никогда не буду дѣлать. Терпѣть не могу. Самое безполезное занятіе. Слушатели думаютъ, что все понимаютъ, а на самомъ дѣлѣ—ничего. И все сразу улетучивается. Надо сперва понять внутренно и полюбить содержаніе жизни Церкви, тогда вамъ будетъ понятна Церковь. А вы мнѣ заказываете какъ кухаркѣ блюда. Нѣтъ, кушайте то, что я вамъ дамъ. Поняли?“

„Н-да, теперь понялъ". „А куварица ніје допала, не понравилась?" „Ну, Богъ съ ней, а вы теперь вотъ что скажите..." „Само извольте".

„Итакъ значитъ Церковь есть жизнь людей въ Богѣ, жизнь особенная... И Христосъ есть и начало и содержаніе этой жизни... А какъ люди находятся въ этой жизни, въ этомъ единствѣ въ Богѣ? Какъ человѣкъ въ ней пребываетъ? Поглощается ли онъ этой жизнью, ну какъ капля воды въ океанѣ, или какъ?" „Нѣтъ онъ не поглощается ею. Человѣкъ есть особый міръ обладающій способностью проникновенія въ другіе міры, сохраняя свою личность. Онъ пребываетъ въ Церкви одновременно и со всѣми вмѣстѣ и какъ личность. Это принципъ Троицы — простой и нераздѣльной"

„А Церковь на землѣ?" „Вопросъ не ясенъ". „Да, правда: я хочу спросить Церковь земная— она только готовитъ людей къ Церкви небесной?" „Нѣтъ, она сама есть Церковь: это есть единство людей подлинно причастныхъ ко Христовой жизни, это есть подлинная жизнь въ общеніи съ Господомъ Іисусомъ Христомъ. Вспомните „Подавай намъ истѣе Тебѣ причащатися въ невечернемъ дни Царствія Твоего", т. е. дай намъ еще тѣснѣе, еще преискреннѣе причащатися, но мы уже причащаемся Ему и въ этой земной жизни, мы знаемъ Его жизнь, и мы въ ней находимся... Молитвъ ради Пречистыя Его Матери...

Это знаніе подлинной Христовой жизни и причастность ей составляетъ наше блаженство, нашу жизнь. Она почти невыразима. Но люди духовные ощущаютъ ее другъ въ другѣ, и это наполняетъ ихъ сердца тихой кроткой и безконечной радостью, радостью христіанскаго общенія и единства. Она въ нѣкоторой степени выражается въ церковномъ пѣніи. Господь есть Истина Добро и Красота, и вотъ въ пѣніи это про-

является. Божественная красота проявляется въ пѣніи церковномъ, конечно въ истинно церковномъ, а не въ тѣхъ произведеніяхъ концертныхъ, которыя къ стыду нашему нерѣдко исполняются въ церквахъ въ угоду людямъ не духовнымъ, а душевнымъ, вродѣ напр. „Покаянія" Веделя. Нѣкоторыхъ радуетъ эта вещь, но для церковнаго слуха она почти нестерпима. Но есть пѣніе въ самомъ дѣлѣ церковное, и кто умѣетъ проникаться его красотой, легкой, духовной, вызывающей рѣдко впрочемъ кому извѣстное чувство умиленія (а не нервическія слезы) — душа такого слушателя подлинно касается божественной жизни. Церковное пѣніе есть выраженіе высочайшихъ духовныхъ переживаній, имъ созвучное. Ничего удивительнаго нѣтъ, что такое пѣніе мало кто умѣетъ понимать и цѣнить. Для этого нужна особая настроенность души, и обычно наши барыни больше любятъ концерты. Они тоже бываютъ красивы и тоже имѣютъ свое содержаніе, но несоизмѣримое съ произведеніемъ духовнымъ... Вы понимаете, что значитъ духъ веселится?" „Боюсь, что по настоящему не понимаю". „Это такое настроеніе, которое словами описать невозможно, но въ пѣніи пасхальныхъ стихиръ оно выражается. Вотъ жалко нѣтъ піанино, я бы вамъ показалъ..." „Владыко,—но если оно непонятно многимъ, то развѣ правильно, что поютъ такіе напѣвы?" „Правильно. Нельзя равняться по уровню развитія благочестивыхъ, но не духовныхъ людей. Все богослуженіе по содержанію, по мыслямъ, выше ихъ, но оно влечетъ ихъ, поднимаетъ, и не понимая его въ той силѣ, какъ его понимаютъ люди духовные, они начинаютъ любить эту высшую жизнь, облагораживаются и постепенно ей пріобщаются. Она для нихъ какъ огонь въ темной дали: онъ далекъ отъ нихъ, но все-таки показываетъ направленіе. Они видятъ

его и вѣрятъ, что есть люди достигшіе его и пребывающіе въ радостныхъ лучахъ его живительнаго тепла. Св. Отцы говорятъ, что невозможно человѣку постоянно пребывать на самомъ высокомъ доступномъ ему духовномъ уровнѣ. Апостолъ Павелъ былъ восхищенъ до третьяго неба, но потомъ снова возвратился на сравнительно низшій уровень. Но у него осталась память о бывшемъ и невыразимомъ, и эта память была для него, какъ залогъ возможности снова тамъ быть. Такъ и въ пѣніи и вообще въ богослуженіи. Оно зоветъ, учитъ, открываетъ невѣдомыя грѣшнымъ людямъ высоты созерцанія Истины, оно пріучаетъ душу къ райской жизни, потому что это и есть сама райская жизнь, посколько люди могутъ ее уразумѣть и усвоить"—и владыка запѣлъ тропарь Преображенія: „Показавый ученикомъ Твоимъ славу Твою, якоже можа-а-аху".

„Наши возможности передать все это—продолжалъ онъ послѣ паузы—конечно ограничены и воспріятіе также... Господь далъ намъ возможность созерцать божественную жизнь и ей пріобщаться, но такъ, что ея огонь насъ не опаляетъ. Но вы всегда должны помнить, что во время литургіи, въ моментъ пріобщенія, хотя ничего вокругъ насъ не мѣняется,—происходятъ великія, потрясающія дѣла Божіей силы и любви. Когда пріобщаетесь Св. Тайнъ Тѣла и Крови, вы говорите „Содѣтелю, да не опалиши", называете Тайны—горящимъ углемъ и должны помнить, что совершаются страшныя событія..." „Почему страшныя?" „Потому что Богъ — Духъ страшный для грѣшнаго человѣка. Между нами и Богомъ — пропасть, и Господь приходитъ къ намъ ради любви къ намъ, и сберегая нашу жизнь, приходитъ подъ видомъ Хлѣба и Вина, чтобы невидимо, внутренно, духовно и тѣлесно приблизить насъ къ Себѣ, пріобщить, сдѣлать

сынами и наслѣдниками. Это потрясающее душу, сердце и умъ событіе, и чѣмъ больше человѣкъ въ него вникаетъ, тѣмъ болѣе просвѣтляется, перерождается и умиляется. Чѣмъ выше духовная настроенность человѣка, тѣмъ сильнѣе онъ это чувствуетъ, также какъ и свою грѣховность... Мы конечно не способны вмѣстить и безконечно малую частицу благодати, даваемой намъ всегда въ изобиліи „мѣрою утрясенною и наполненною", но и то, что беремъ отъ этого иногда сотрясаетъ все наше существо...

Вотъ недавно васъ такъ прекрасно поучалъ митрополитъ Антоній о томъ, что общеніе со святыми подготовляетъ человѣка къ общенію съ Богомъ: чтобы схватиться рукою за горячій уголь, говорилъ онъ, ее надо приготовить, сперва берясь за предметы менѣе нагрѣтые. Сравненіе прекрасное, ибо эти предметы согрѣты тѣмъ же огнемъ. Святые—посредники межу нами и Богомъ, въ нихъ есть огонь божественной жизни, конечно въ меньшей степени, но и съ ними молитвенное общеніе иногда производитъ глубокое потрясеніе". Владыка остановился, задумался, какъ будто колеблясь говорить или нѣтъ, и потомъ продолжалъ тихимъ и какъ будто робкимъ голосомъ.

„Помню разъ въ Кіевѣ... Наканунѣ праздника Святителя Николая... Послѣ длинной всенощной мнѣ говоритъ архіерей, чтобы я завтра говорилъ проповѣдь. Вернулся я домой поздно, сѣлъ за столъ, взялъ житіе Святителя, начинаю перебирать мысли и замѣчаю, что у меня въ душѣ пустота. Мысли отрывочныя, въ душѣ холодъ и пустота... Думаю—вотъ завтра праздникъ Святителя столь любимаго русскимъ народомъ, а у меня, священнослужителя, душа пуста, сердце холодное... И такъ мнѣ стало грустно и горько. Думаю, вотъ до чего я погрязъ въ грѣ-

хахъ: и мысленно обращаясь къ Святителю говорю: „Подними меня ты! Согрѣй мое сердце, наполни сердце любовью ради тѣхъ, любящихъ тебя, кому я долженъ говорить..“ И такъ сижу, перелистываю житіе... И вдругъ стали возникать образы за образами съ такою силою, такіе прекрасные, умилительные образы, съ такою захватывающей силою и правдою, что я не смѣлъ двинуться, и ужъ не знаю, что это было и какъ объяснить... какъ будто холодъ какой-то или дуновеніе прошло по затылку кверху, какъ будто волосы зашевелились... Я сидѣлъ такъ, не двигаясь, всматриваясь въ эти дивные образы... Вотъ ночь. Темная ночь. Спятъ добрые люди. Но не спитъ зло. Злодѣи, разбойники пользуются ночнымъ мракомъ, чтобы имъ скрыть свои злыя дѣла страстей и разврата. Они крадутся по маленькимъ улицамъ города, пропадая въ черныхъ переулкахъ. Но вотъ идетъ кто-то еще, не похожій на нихъ. Онъ также тихо идетъ около стѣны, останавливается около окна и тихо просовываетъ свою руку. Но въ ней нѣтъ злодѣйскаго ножа. Это Святитель Николай кладетъ золото, чтобы остановить отца отъ злодѣйства и спасти его дочь отъ позорнаго пути. Разбойникъ радуется мраку, чтобы имъ скрыть свои злыя дѣла. Св. Николай имъ цѣломудренно закрываетъ свои добродѣтели!.. Вы понимаете какіе это полюсы настроеній и побужденій, какіе полюсы добра и зла на этой грѣшной землѣ?.. Святитель спасающій гибнущихъ въ морѣ, въ страшную бурю... Въ нашей жизни, въ морѣ человѣческихъ страстей, въ морѣ постоянно бушующаго и разрушающаго зла, въ этой злой жизни, но внѣ ея, ибо онъ ей непричастенъ, непоколебимо стоитъ Святитель Николай и спасаетъ погибающихъ. Онъ полонъ силы, о которую безсильно разбиваются волны зла, потому

что онъ живетъ иною силою, жизнью любви и сострданія...

Такъ я сидѣлъ всю ночь. А утромъ поѣхалъ въ храмъ служить литургію и не чувствовалъ никакой усталости и говорилъ проповѣдь. И ничего, вѣрую, что по молитвамъ св. Николая говорилъ хорошо... Мнѣ говорили потомъ, что это была хорошая проповѣдь...“ Владыка застѣнчиво замолчалъ, а потомъ вдругъ улыбнулся: „По крайней мѣрѣ Архіерей“ и тутъ онъ началъ его представлять — сказалъ мнѣ: „Очень хорошо. Много разъ слушалъ проповѣди въ день св. Николая, и самъ говорилъ, но такой никогда не слыхалъ. Очень, очень хорошо.“ и владыка весело, весело засмѣялся.—„Замѣтьте—и самъ говорилъ—но такой никогда не слыхалъ“.

Тутъ принесли владыкѣ ужинъ, и на этомъ прервалась наша бесѣда.

III

Владыка въ Бѣлградѣ. Онъ пріѣхалъ наканунѣ, мы бесѣдовали до поздняго вечера, и онъ позвалъ меня придти къ нему утромъ.

Когда я вошелъ къ нему, онъ сидѣлъ за столомъ, предъ нимъ лежало маленькое Евангеліе. Онъ едва повернулся на мои привѣтственныя слова и съ трудомъ, молча благословилъ. Я сѣлъ наискось отъ него, сбоку стола и взглянулъ на него. Лицо блѣдное, нездоровое, глаза закрыты. Онъ съ трудомъ раскрылъ одинъ глазъ и опять закрылъ. Ну,—думаю, пропала наша бесѣда: разъ у владыки не открываются глаза, это вѣрный признакъ, что онъ чувствуетъ себя совсѣмъ плохо. Когда, какъ этотъ разъ, онъ не могъ поднять вѣкъ, это дѣйствовало на него особенно угнетающе: это было слѣдствіемъ упадка силъ, не только физиче-

скихъ, но еще больше душевныхъ. Чтобы одолѣть эту слабость, онъ не прибѣгалъ къ отдыху, ѣдѣ и вообще къ мѣрамъ матеріальнымъ, онъ старался оживить свою душу и обычно начиналъ вспоминать какія-либо церковныя пѣснопѣнія. Съ усиліемъ пропоетъ, почти прошепчетъ какой-нибудь мотивъ, и вдругъ раскрываются его глаза, живые и веселые. Но вотъ отзвучатъ въ его душѣ звуки, съ которыми такъ властно связаны духовныя переживанія или воспоминанія, и снова безсильно закроются его дотолѣ живые глаза... Такъ было и на этотъ разъ. Вотъ онъ вспомнилъ какую-то церковную пѣснь, ожилъ на минуту, но я не сумѣлъ поддержать его духовнаго оживленія, и его душа опять перестала владѣть тѣломъ, обезсиленная его немощами и недугами...

„Пропала наша бесѣда“ снова подумалъ я съ жалостью и досадой...

Но владыка какъ будто услышалъ мою мысль, съ усиліемъ взглянулъ на меня, не то просительно, не то повелительно, и тихо сказалъ—„спрашивайте“.

Но что его спрашивать, когда онъ такъ измученъ? какая можетъ быть бесѣда, когда онъ не то что говорить, а вотъ и смотрѣть не можетъ... Но дѣлать нечего, буду его просто занимать разговоромъ, развлекать, какъ больного... Я не сталъ его спрашивать, а рѣшилъ самъ ему разсказывать свои мысли въ надеждѣ, что какъ онъ ни слабъ, онъ меня поправитъ, если я въ чемъ ошибусь.

Въ то время было много разговоровъ по поводу попытки создать религіозное единеніе между людьми разныхъ исповѣданій. На этихъ путяхъ работало Р. Хр. Студент. Движеніе, близкое къ организаціи У. М. С. А. Глава послѣдней на съѣздѣ въ Болгаріи говорилъ о томъ, что задачей этой организаціи является „со-

зданіе единаго міровогo цѣлаго, управляемаго единой волей,“ при чемъ въ это единое цѣлое призывались вступать организаціи православныя, наравнѣ съ другими, равныхъ исповѣданій. Въ связи съ этимъ и возникали вопросы, какъ можетъ вступить въ такое единство православный человѣкъ или организація, можетъ ли въ самомъ дѣлѣ быть религіозное единство разныхъ исповѣданій, какою цѣной можетъ поддерживаться такое единеніе *).

Въ то время, когда мы бесѣдовали съ владыкой Гавріиломъ, около 1928-30 г. г. эти вопросы были новыми, волнующими, многіе рас-

*) Это тема не новая. Еще сто лѣтъ назадъ, при Александрѣ I, и при его сочувствіи, устраивалось въ Россіи т. наз. Библейское Общество, которое также стремилось создать религіозное единеніе лицъ разныхъ исповѣданій, причемъ въ практикѣ своей дѣятельности держалось принципа равенства всѣхъ вѣроисповѣданій. Идея эта не новая, но въ разные времена она возраждается въ нѣсколько разныхъ видахъ. Такъ въ недавніе годы уже послѣ кончины арх. Гавріила, она снова ожила въ такъ наз. Экуменическомъ Движеніи. Въ послѣднемъ есть двѣ стороны, или вѣрнѣе есть двѣ возможности отношенія къ нему: одни (и немногіе) видятъ въ немъ организацію, дающую возможность для проповѣди инославнымъ, для „свидѣтельства“ имъ объ истинѣ Православія. Такой взглядъ и отношеніе законны и положительны. Другіе—(большинство) стремятся въ экуменическомъ движеніи создать практику религіознаго единенія людей разныхъ вѣроисповѣданій, создать нѣкій внутренній духовный опытъ такого надъ вѣроисповѣднаго единства. Нѣкоторые договариваются до созданія духовнаго опыта „будущей Церкви,“ говорятъ, что будетъ откровеніе Церкви и Христіанства „пришедшаго въ силѣ,“ утверждаютъ, что психологическое, душевное единеніе, достигаемое на такихъ интерконфессіональныхъ съѣздахъ Движенія есть подлинное единеніе въ Св. Духѣ, т. е. единеніе церковное, поднимаютъ вопросы о совмѣстномъ причастіи и т. д. Зарубежный Соборъ 1938 г., какъ извѣстно, запретилъ русскимъ православнымъ входить въ это соблазнительное объединеніе и одновременно постановилъ, что на съѣздахъ этого Движенія должны быть представители Русской Православной Церкви, для свидѣтельства о Православіи.

ходились по нимъ... Идея созданія такого религіознаго объединенія—религіознаго тѣла — во имя Христа, изъ людей по разному вѣрующихъ во Христа, по разному понимающихъ отношеніе Христа къ людямъ, и людей ко Христу, мною всегда воспринималась какъ невыносимо фальшивая. Я чувствовалъ, что практически такое единеніе возможно лишь при условіи неполнаго исповѣданія людьми своей вѣры, при условіи отказа отъ исповѣданія ея. Въ настойчивой попыткѣ создать такую организацію мнѣ чувствовалось стремленіе создать „церковь" безъ Христа, но во имя Его, чувствовался гуманистическій, масонскій, обманный духъ.

Вотъ эти мысли я и началъ высказывать владыкѣ. Началъ я вяло и съ трудомъ, только чтобы его развлекать, безжизненное, нездоровое лицо владыки меня нисколько не воодушевляло, но потомъ мало-по-малу я увлекся темой, пересталъ смотрѣть на него, говорилъ живо и горячо, и когда закончилъ словами—„Развѣ это невѣрно? Развѣ не потому въ этихъ организаціяхъ такъ тяжело на душѣ, такъ нервно —искусственно, так фальшиво? Развѣ это не есть чувство души, которую тѣснятъ и на которую покушаются? Развѣ это не попытка оторвать людей отъ Христа, отъ Тайнъ Тѣла и Крови? Скажите, владыко, развѣ это не есть попытка подмѣны Церкви?" я вдругъ взглянулъ на него...

Боже мой, какая перемѣна.. Глаза открыты, владыка съ силой и прямо смотритъ на меня; лицо живое, спокойное, сильное...

„Прекрасно, отлично... Я даже не зналъ, что вы понимаете такія вещи... Совершенно вѣрно. Благодарите Бога, что онъ васъ охранилъ отъ этихъ „единеній," что Онъ далъ вамъ непосредственное дивное чувство Церкви и церковности... Благодарите владыку Антонія, за то,

что онъ воспиталъ васъ въ этомъ... Да, да, — православная душа только тогда православна, когда она ощущаетъ Церковь, ибо въ Церкви, черезъ Церковь она ощущаетъ Божественную, Христову жизнь. Вы смутно почувствовали тѣсноту и покушеніе, потому что вашу душу хотѣли оторвать отъ вѣчнаго, неиссякаемаго источника жизни. И душа ваша затосковала и взволновалась: ее хотѣли оторвать отъ счастья, отъ блаженства причастности ко Христу. Вы этого не знали, но душа ваша это знала. Душа человѣка знаетъ много больше, чѣмъ знаетъ человѣкъ, и если бы онъ умѣлъ ее слушать... И замѣтьте: авторы всѣхъ этихъ попытокъ люди не знающіе этого счастья. Ихъ вина меньшая, чѣмъ тѣхъ православныхъ, которые идутъ за ними и даже помогаютъ имъ. Діаволъ ловко ведетъ свое дѣло: соблазнителями выступаютъ люди, для которыхъ и чисто гуманистическое предпріятіе представляется большимъ и добрымъ дѣломъ, они зовутъ къ таковому единенію и близости горячо, воистину не вѣдая, что творятъ. Но для православнаго сознавать себя членомъ такого человѣческаго единенія, а не членомъ Церкви—это духовная катастрофа, паденіе.

„Нѣтъ, это васъ Господь спасъ", серьезно сказалъ владыка.

Его слова меня, конечно, очень обрадовали. Я молчалъ чувствуя, что теперь владыка начнетъ говорить и безъ вопросовъ.

„Счастье и блаженство"—продолжалъ онъ. „Счастье, потому что блаженство, это для насъ слишкомъ высоко. Да, мгновеніями мы ощущаемъ и его, только рѣдко. Но радуйтесь, когда вашъ духъ останавливается на созерцаніи жизни Божественной. Вотъ вы стоите въ храмѣ, и бываютъ дни, когда вами ясно и глубоко воспринимается все, что вамъ говоритъ Церковь.

Слушайте и радуйтесь: это говоритъ, поетъ, живетъ Божественная жизнь, раскрываясь передъ вами. Великое счастье ее слушать, ощущать, духовно созерцать, и участвовать въ ней. Великое счастье, потому что вы тогда живете вѣчной жизнью. Все, что она вамъ откроетъ изъ своего содержанія, все что скажетъ, всѣ образы, которые вамъ передастъ—все это недосягаемо прекрасно, и никогда, ни одинъ поэтъ не можетъ подняться своимъ талантомъ до такой красоты и силы, до такого уровня поэзіи, на которомъ постоянно пребываетъ поэзія церковная. Все что она говоритъ,—все живительно и прекрасно. Жизнь Церкви—это животворящій источникъ вѣчной жизни.—Источникъ великой силы. Въ водосвятной молитвѣ на Богоявленіе, Церковь называетъ святую воду—„скачущей въ жизнь вѣчную". Это образъ быстроты, силы и энергіи животворящаго источника Божественной жизни... О, если бы не наши грѣхи, съ какимъ блаженствомъ мы отдавались бы этому потоку, скачущему въ жизнь вѣчную.

Надо любить жизнь, надо радоваться жизни. Жизнь есть благословенный даръ Бога. Но грѣхъ принесъ смерть, страданіе; искалѣчилъ жизнь: человѣкъ существовалъ, но бѣдно, страдая—предъ нимъ стояла смерть Онъ жаждалъ спасенія, побѣды надъ смертью. Какъ это будетъ, онъ не зналъ, но вѣровалъ, что спасеніе будетъ. И оно пришло: Спаситель начинаетъ новую жизнь, Богочеловѣческую и даетъ возможность людямъ пріобщиться этой новой жизни, побѣждающей смерть. Эта новая жизнь въ Немъ. Онъ есть новая жизнь, и человѣку надо пріобщиться Ему, этой новой жизни; ее надо умѣть ощущать, надо у Бога просить сподобить ощущенія Божественной жизни. Надо просить и надо принимать этотъ даръ съ трепетомъ и въ страхѣ Божіемъ. И онъ дастъ вкусить, ощу-

тить этотъ даръ, благой даръ, благодать новой Божественной жизни. Дастъ, ибо всегда даетъ, ибо зоветъ: „пріидите и видите". А люди не берутъ... Чтобы взять, нужно любить жизнь, и ненавидѣть смерть и все родное смерти, всякій грѣхъ, страсть—это состояніе, когда человѣкъ заживо начинаетъ умирать.. Вы видите, что на лицѣ разврата всегда есть печать тлѣнія? Чтобы взять въ себя новую жизнь, нужно освобождаться отъ власти смерти и тлѣнія, стряхивать съ себя путы грѣха, освобождаться отъ нихъ, и свободнымъ, съ сердцемъ мужественнымъ и обновленнымъ, идти, нѣтъ бросаться, какъ олень на источники водные, къ этому благодатному, животворящему источнику воды, „скачущей въ жизнь вѣчную..."

Это дивный образъ... Къ нашему стыду переводчикъ на русскій языкъ испугался силы этого образа и вмѣсто „скачущей" перевелъ—стремящейся. Это исправленіе—дѣло оробѣвшей души, и вписала это слово—„рука бѣдствующая и худая". Но какъ она могла оробѣть, когда самъ Господь насъ зоветъ къ великому дерзновенію?

Этотъ образъ говоритъ о силѣ, о стремительности силы Божественной жизни, это есть Божіи слова, которыя призываютъ насъ къ еще болѣе великому... Образъ этого источника воды „скачущей въ жизнь вѣчную" говоритъ намъ, о силѣ и энергіи Божественной жизни, о томъ, что она можетъ возстановить въ насъ силы и омыть, какъ родникъ въ жаркую пору или среди сраженія и борьбы въ этой земной жизни. Да, велика его живительная сила, но припавшій къ источнику остается такимъ же человѣкомъ, какимъ былъ, и снова пыль и зной и трудъ и страданіе земной жизни будутъ его покорять. А между тѣмъ душа не хочетъ имъ рабствовать, она хочетъ глубокаго обновленія

человѣческаго естества, чтобы безпрепятственно и вѣчно воспринимать ту радость и блаженство, которое даетъ ей этотъ Божественный, чудотворный источникъ. Она не хочетъ рабства грѣху и смерти... На это желаніе Господь отвѣчаетъ человѣку словами о лозѣ и гроздьяхъ. „Азъ есмь лоза, вы же грождья" — говоритъ Спаситель Апостоламъ послѣ Тайной Вечери, когда они пріобщились Тайнамъ Тѣла и Крови Его, пріобщились Его Богочеловѣческому естеству. Лоза, вѣтви и гроздья представляютъ собою единство: въ нихъ одна сила, одно единство. О, теперь намъ понятно, что человѣкъ приникнувъ къ источнику Божественной жизни, не только омылся и возстановилъ силы, нѣтъ произошло нѣчто большее: онъ пріобщился ей, сроднился съ ней. Это уже не тотъ человѣкъ, который вѣря въ Таинствѣ покаянія, рвался на свободу, разрывая и сбрасывая оковы грѣха, теперь въ немъ новая жизнь, онъ новый побѣгъ, новая виноградина, которая напоена новой силой, новымъ существомъ, которое передала ей отъ себя лоза. Теперь это новый, другой человѣкъ, иной, чѣмъ былъ раньше.

О, обновленіе не происходитъ молніеносно: въ этомъ новомъ и другомъ человѣкѣ еще многое есть отъ вчерашняго, рабствующаго грѣху, но сѣмя жизни уже въ немъ, и оно будетъ его перерождать, какъ закваска оживляетъ дотолѣ мертвое тѣсто. Но пусть этотъ процессъ оживленія и перерожденія только начался, тѣмъ не менѣе онъ уже есть, и потому предъ нами уже новый человѣкъ, а не тотъ старый, въ которомъ еще не было этой перерождающей силы, предъ нами не просто человѣкъ—нынѣ онъ, пріобщенный Тѣлу и Крови, уже богочеловѣкъ, сынъ Божій. Да, съ нимъ произошло, не только нравственное потрясеніе, нѣтъ произошло нѣчто гораздо большее и страшное

онъ сталъ сыномъ Божіимъ... Въ страхѣ падаетъ человѣкъ ницъ предъ этимъ призваніемъ — „сыновства." Ему страшно это призваніе... Но что же онъ слышитъ тогда надъ собой? Раскаты ли грома и проявленія Божіяго всемогущества? Нѣтъ онъ слышитъ надъ собой нѣжное слово Божіей любви: „чадца моя" говоритъ Христосъ. Дѣтки мои...

Вотъ что такое новая благодатная жизнь, дарованная людямъ Христомъ, вотъ что такое пріобщенность къ ней, что такое сыновство, и что такое Церковь И вотъ почему надо умѣть отрываться отъ земной жизни, любить жизнь Церкви, любить, когда она раскрываетъ себя и радуется своему сыновству,—почему надо любить богослуженіе..."

Владыка и самъ взволновался своимъ словомъ, своимъ неожиданнымъ вдохновеннымъ исповѣданіемъ, этимъ потокомъ образовъ, который такъ вдругъ вырвался изъ его сердца. Онъ замолкъ и сидѣлъ строгій и серьезный.

IV.

Минуту, другую мы молчали, и вдругъ онъ взглянулъ на меня и улыбнулся, мягко и ласково. И опять сталъ строгимъ. Мы еще помолчали.

„Какъ сегодня на дворѣ? Холодно?" спросилъ онъ тихимъ голосомъ.

„Ничего. Только вѣтрено."

„Я хотѣлъ сегодня выйти."

„Когда? утромъ?"

„Да, часовъ въ 11."

„Вотъ досада... Нужно вамъ? Ну, что дѣлать. Теперь долго не увидимся. Хотѣлъ было васъ кое-что спросить, но впрочемъ тема не столь интересная, интеллигентская."

„Спрашивайте."

„Ну хорошо. Только не сердитесь на меня: у меня у самого тоска бываетъ отъ такихъ вопросовъ, но я не умѣю на нихъ хорошо отвѣтить. Дѣло вотъ въ чемъ: говорилъ я съ однимъ священникомъ объ инославіи..."

„Лучше бы говорили о Православіи..."

„Да, конечно, но выслушайте. Онъ говорилъ и довольно горячо о томъ, что вся истина въ Православіи, что только Православная Церковь, есть истинная Церковь, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ, что и въ инославіи есть таинства... Я ему доказывалъ, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, что Православная Церковь потому и есть Церковь, что въ ней есть тайна причастія Тѣлу и Крови, что въ этомъ и есть существо Церкви..."

„Ну? Что же вы отъ меня хотите? Вы сами ему отлично отвѣтили".

„А онъ на мои слова отвѣтилъ, что это раціонализмъ, что до отрицанія таинствъ въ инославіи я дохожу путемъ логическихъ выводовъ, а что онъ, вѣруя въ истину Православія, не хочетъ дѣлать такихъ выводовъ".

„Ахъ вотъ какъ... Онъ не хочетъ дѣлать выводовъ изъ того положенія, которое самъ исповѣдуетъ, а потому... дѣлаетъ выводы въ отношеніи и въ пользу другихъ исповѣданій? Гдѣ же логика? И что значитъ дѣлать выводы? Какъ ихъ дѣлать? Святые отцы тоже разсуждали логически, чтоже, онъ и ихъ будетъ упрекать въ раціонализмѣ? Они высоко ставили даръ разсужденія, но это не есть схоластическое теоретическое разсужденіе. Выводы логики и ума надо провѣрять разумомъ вѣры, ибо вѣра есть особый способъ познанія. Впрочемъ это тоже особая тема—что есть вѣра. Въ отношеніи же вашего собесѣдника, какъ ему отвѣчать такъ, чтобы вашъ отвѣтъ дошелъ до его сердца и сознанія, на это трудно отвѣтить, не зная

его. Принципіальная сторона вашего отвѣта ему вѣрна, а дальше надо смотрѣть, почему онъ приходитъ къ своимъ выводамъ. Тутъ возможны разныя причины, иногда сентиментальнаго характера, иногда искреннее недоумѣніе. Однако вѣроятнѣе всего, что за его положеніями стоитъ маловѣріе... Истину Церкви, и сыновства, онъ какъ говорите, принимаетъ, но онъ не можетъ примириться съ мыслью о томъ, что сыновство есть только въ Православіи, а что внѣ Церкви—его нѣтъ".

„Но почему же маловѣріе? Это скорѣе подходитъ къ тому что вы называете сентиментальными мотивами?"

„Ну какъ же вы не понимаете? Тутъ все дѣло въ томъ, что онъ не понимаетъ, какая святыня—Церковь, онъ не проникся этимъ сыновствомъ. Если имъ проникнуться, хоть въ малой степени, тогда поймешь, что болѣе удивительно, что сыновство вообще есть, что хоть одинъ человѣкъ сталъ сыномъ, или одни только Апостолы, чѣмъ то, что за предѣлами Церкви остались народы... Понимаете? Сыновство Апостоловъ есть явленіе болѣе удивительное, чѣмъ весь міръ—внѣ сыновства. Маловѣріе въ томъ, что не склоняется въ страхѣ Божіемъ предъ сыновствомъ, предъ Церковью, а вотъ задаетъ вопросы—а какъ же вотъ еще эти или тѣ. Въ его утвержденіяхъ больше чисто человѣческихъ разсужденій и представленій, больше человѣческаго раціонализма, чѣмъ въ благоговѣйномъ почитаніи Церкви со стороны тѣхъ, кого онъ упрекаетъ. Исповѣданіе вѣры въ Церковь, есть исповѣданіе ея внутренняго единства и ея единственности; исповѣданіе вѣры въ пріобщенность Церкви Богочеловѣку, въ возможность пріобщенія въ ней Тайнамъ Тѣла и Крови Христовымъ. Кто такъ исповѣдуетъ, какъ можетъ онъ признавать это Таинство въ другой

церкви,—иное сыновство? Или раздѣлился Христосъ? Нѣтъ православное сознаніе съ тоской отвращается отъ этихъ словъ, и сердце хочетъ остановить вашего собесѣдника словами:—дай душѣ твоей отдаться радости вѣры, дай ей трепетно преклониться предъ Церковью и сыновствомъ—этимъ великимъ даромъ милости Божіей; пусть твой духъ обновится умиленнымъ созерцаніемъ Истины Церкви, и тогда онъ отвѣтитъ тебѣ о тщетѣ твоихъ домысловъ, твоего раціонализма и сомнѣній... Онъ научитъ тебя дару разсужденія и прежде всего тому, чтобы терпѣливо оставлять вопросы нерѣшенными, терпѣливо ждать—не пошлетъ ли Господь пониманіе ранѣе неяснаго. Научитъ говорить „вѣрую, Господи помоги моему невѣрію“ Credo ut intellegam т. е. вѣрую, чтобы понимать, или въ надеждѣ, что потомъ пойму. Ты вѣруешь, но такъ безсильно, едва-едва, эта вѣра почти невѣріе. Мы всѣ всегда должны молиться о вѣрѣ, чтобы далъ Господь вѣру, наполняющую силой мужественное сердце. Всѣ святые, всѣ исповѣдники—это прежде всего люди мужественнаго сердца. Мы должны „работать Господеви со страхомъ и радоваться Ему съ трепетомъ“ и такъ мы должны созерцать и исповѣдывать истину Церкви, эту безконечную милость любви и усыновленія. И если пытливый умъ будетъ просить освѣщенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, то пусть онъ принимаетъ лишь тѣ отвѣты, которые не колеблютъ положеній, открываемыхъ намъ вѣрою. Въ частности, къ данному случаю — отвѣты должны сходиться съ тѣмъ, что по слову Божію—Церковь выдѣлена изъ остальнаго міра, ибо Господь сказалъ Апостоламъ „Азъ избрахъ вы отъ міра“ (Ін. 15, 19). Этого избранія и выдѣленія Церкви отъ міра никогда нельзя забывать, нельзя колебаться, смущаясь малодушно высотою избранія... Оно велико и та-

инственно, это надо помнить... „Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ... Аллилуія,“ вдругъ пропѣлъ владыка и нѣсколько растроганный съ улыбкой взглянулъ на меня.

„Что вы на это скажете?“

„Спасибо, Хорошо“.

V.

Онъ помолчалъ. „Давно-ли видѣли владыку митрополита?“

„На прошлой недѣлѣ, въ Карловцахъ“.

„О чемъ шла рѣчь?“

„О многомъ... Да, между прочимъ говорили о Достоевскомъ, и оказался одинъ вопросъ, по которому взгляды митрополита не совпадаютъ съ вашими“. Эти мои слова были повидимому владыкѣ немножко непріятны.

„Въ чемъ дѣло?“

„Помните мы говорили съ вами о мнѣніи или слухѣ, что „Братья Карамазовы“ въ которыхъ, по словамъ самого Достоевскаго, главный герой Алеша, есть только 1-ая часть задуманной имъ трилогіи, что во второй и третьей части, Алеша долженъ былъ быть описанъ въ міру, взрослымъ, женатымъ и потомъ старикомъ?“

—„Помню“.

„И вы сказали тогда, что это мнѣніе вамъ представляется вѣрнымъ, что мысль описать всю жизнь человѣка, показать норму—вамъ представляется оправданной и интересной“.

„Помню, и что же дальше?“ сказалъ владыка съ нетерпѣніемъ.

„А владыка митрополитъ говоритъ, что это мысль и замыселъ невѣрны, что „норма“ уже дана въ томъ, что уже написано: норма — это христіанское сердце, христіанское состояніе души. Эта норма дана, и она одинакова для

всѣхъ возрастовъ, у старца Зосимы и юноши Алеши — духовное устроеніе одинаково, и потому нѣтъ надобности описывать её у человѣка въ разныхъ возрастахъ. Не нужно, потому что это будетъ повтореніемъ".

Владыка молчалъ. Тогда я продолжилъ: „Я сказалъ митрополиту ваше мнѣніе по этому вопросу"

„И что же онъ?"

„Онъ сказалъ, что вы вѣроятно не додумали этого вопроса.. А что вы скажете?"

„Скажу, что если вы когда-либо увидите разномысліе между мной и митрополитомъ Антоніемъ, то всегда знайте, что правъ онъ, а не я..."

„Но почему же", началъ было я, но владыка вдругъ перебилъ меня и съ горячностью воскликнулъ:

„Потому, что митрополитъ Антоній — геніальный человѣкъ, котораго вы не умѣете цѣнить".

Но тутъ и я загорячился, и во всякомъ случаѣ не менѣе горячо воскликнулъ:

„Какъ не умѣю цѣнить?.. Какъ вы можете это говорить, когда знаете, что для меня митрополитъ Антоній"...

Но я не кончилъ: меня остановилъ его радостный, веселый смѣхъ, и слова сквозь смѣхъ —„успокойтесь, я не о васъ говорилъ". Владыка смѣялся отъ всей души, весело и заразительно...

„Чему вы такъ смѣетесь?"

Вмѣсто отвѣта онъ сталъ меня представлять: дѣлалъ видъ, что хочетъ вскочить, и съ страшнымъ лицомъ, поднимая кулакъ какъ бы кидался на меня со словами „какъ не умѣю цѣнить" и опять смѣялся, также какъ и я.

„Владыко, я вѣдь не такъ говорилъ".

„Совершенно такъ".

„Но я вѣдь не вскакивалъ и кулака не поднималъ"

„Это все равно"—и опять меня также представлялъ.

Успокоившись онъ продолжалъ: „Я конечно не имѣлъ въ виду лично васъ. Мои слова относились къ этимъ многочисленнымъ и тупымъ интеллигентамъ, которые не понимаютъ митрополита Антонія. Къ этой нечуткости сердечной, къ этой „косности и несмысленности" сердецъ нельзя привыкнуть, они всегда будутъ ранить... Митрополитъ Антоній — человѣкъ исключительной живой любви къ Богу; онъ поистинѣ живетъ Богомъ и въ Богѣ; соприкасаясь съ нимъ, нельзя не ощущать именно этого. Вотъ почему такъ бываетъ обрадована общеніемъ съ нимъ душа человѣка, если только она придетъ къ нему безъ предвзятости, открытая и искренняя. Митрополитъ Антоній зналъ только одно отношеніе къ человѣку—церковное; онъ искалъ единенія съ нимъ во Христѣ. Наши бѣдные интеллигенты приходятъ къ нему не для этого: они приходятъ съ сердцемъ запертымъ, приносятъ свои,—на этомъ удареніе — маленькія мысли. Они тщательно обдумываютъ свои мысли, оцѣживаютъ комара.. и не видятъ митрополита Антонія... Самоувѣренно разбираютъ его слова, обращаются съ нимъ за панибрата. Что только о немъ не говорили тупыя головы и сухія сердца... Но Церковь его любила и радовалась на него. Митрополитъ Антоній личность настолько исключительная, что постоянно вызываетъ чувство изумленія: онъ неисчерпаемъ, и человѣкъ всегда открываетъ въ немъ что-то новое. Представьте себѣ стараго ученаго профессора, произведенія котораго вы изучили. Его слова всегда будутъ повтореніемъ его, извѣстныхъ вамъ мыслей. Такова судьба человѣческаго творчества и достиженій. Но не

такъ съ нашимъ митрополитомъ. Почему? Митрополитъ Антоній всегда писалъ и говорилъ отъ избытка сердца, выражая открыто, то, чѣмъ жило въ данный моментъ его сердце въ своемъ предстояніи Богу. И теперь—маститый старецъ—онъ говоритъ также: онъ выноситъ предъ вами жизнь своего сердца, своего духа обращеннаго къ Богу. Такъ могутъ поступать только подлинно духоносные люди, ибо, если бы обычные люди открыли свое сердце, то не привлекли бы къ себѣ, людей, а наоборотъ—они отшатнулись бы отъ него. А митрополитъ неудержимо привлекаетъ къ себѣ. Когда митрополита спрашивали о секретѣ его вліяніе на юношество, онъ удивленно отвѣчалъ, что никакого секрета нѣтъ, что онъ только открываетъ имъ свою жизнь предъ Богомъ. Это отвѣтъ волнующій своею дѣтски чистой скромностью и смиреніемъ: онъ спѣшитъ сказать,—не я привлекаю, привлекаетъ благодать Божія, но Боже мой, какъ надо любить благодать Божію, какимъ надо быть чистымъ и смиреннымъ, чтобы дать ей дѣйствовать черезъ меня, чтобы ей не помѣшать... Да именно такъ дѣйствовали праведники, проповѣдники, таковъ и ихъ методъ и „секретъ" вліянія на души человѣческія.

Почему главнымъ предметомъ его духовной дѣятельности была борьба со схоластикой? Вотъ именно потому, что для него богословствовать значитъ открывать свою духовную жизнь въ ея предстояніи Богу. Схоластика произноситъ слова, за которыми не стоитъ духовнаго опыта. Ученый схоластъ произноситъ формулы, но душа его остается безучастной къ ихъ содержанію, и онъ не болѣетъ отъ этой безучастности. Онъ не смущается тѣмъ, что его душа молчитъ, когда онъ говоритъ о Божественномъ мірѣ, а она должна была бы ликовать. Ему это безразлично. При такомъ разрывѣ, при

такомъ отношеніи къ слову, не можетъ быть Богословія, не можетъ быть слова о Живомъ Богѣ, о божественной жизни. Могутъ быть только гипотезы, отвлеченныя теоріи...

Вся личность митрополита Антонія, его дѣятельность, его жизнь есть отрицаніе схоластики. Онъ настолько цѣльная личность и настолько яркая, онъ нанесъ такой сокрушительный ударъ схоластическому мышленію или вѣрнѣе — схоластическоку духовному устроенію вотъ этой раздѣленности слова и духа мысли и сердца—что не будетъ большимъ преувеличеніемъ сказать—до него у насъ была схоластика, а съ него—богословіе Схоластикой было тяжело и долго поражено русское богословіе. Вы её найдете даже у м. Филарета, не говоря о множествѣ профессоровъ. Но нельзя научить Православію, будучи схоластомъ, ибо Православіе есть жизнь во Христѣ.. Знайте, что человѣкъ произноситъ схоластическія формулы и не ощущаетъ ихъ несоотвѣтствія запросу духа, это всегда свидѣтельствуетъ о какой то неправильности послѣдняго... Въ концѣ концовъ это есть болѣзнь маловѣрія: человѣкъ не научился живою вѣрою проникать въ законы и тайны Божественной жизни, насколько онѣ могутъ быть ему открыты, и потому не научился взглядомъ и слухомъ вѣры провѣрять свои мысли и слова...

Есть какая то постоянно обновляющаяся радость отъ общенія съ митрополитомъ Антоніемъ... Радость и благодарность.."

Владыка на минуту остановился, какъ бы прикидывая—сказать или нѣтъ—и продолжалъ: „Да, это необычайный человѣкъ... Когда я пріѣзжаю въ Карловцы и прихожу къ нему, то, если никого нѣтъ, я всегда привѣтствую его... земнымъ поклономъ... Онъ конечно, по своему смиренію, останавливаетъ меня, но у меня всег-

да живая потребность именно такъ выразить ему свое чувство...“

Владыка замолкъ. Можетъ быть потому, что затронулъ такое глубокое чувство, почти невыразимое чувство своей любви къ митрополиту Антонію, къ ихъ духовному, церковному, въ Богѣ, единенію, чувства радости и благодарности отъ счастья этого единенія... Взволнованный его разсказомъ, я хотѣлъ себѣ представить встрѣчу двухъ архипастырей и земной поклонъ одного другому...

Но владыка ласковой шуткой отвелъ мое вниманіе отъ этого образа ихъ любви и духовной дружбы. Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на меня, сдѣлалъ страшное лицо, поднялъ руку какъ будто кидаясь на меня „Какъ не умѣю цѣнить...“ Но не засмѣялся, а сказалъ тихо, спокойно и убѣжденно: „Благодарите Бога, что вы узнали и полюбили владыку Антонія“.

На этомъ я закончу свои воспоминанія. Не знаю, удалось ли мнѣ разсказать и дать понять и почувствовать, кѣмъ былъ архіепископъ Гавріилъ. Но если у моего читателя хоть немного согрѣлось сердце, и шевельнулось чувство радости и благодарности, что былъ архіепископъ Гавріилъ, то во имя его и во имя его любви къ митрополиту Антонію, вотъ о чемъ надо подумать:

Мы смотримъ на архіепископа Гавріила снизу вверхъ,—радуемся его любви, его уму, его вѣрѣ, его постоянному духовному бодрствованію и его духовному горѣнію, его радости о Богѣ, о вѣрѣ, о Церкви. Радуемся ему и дивимся; онъ больше насъ, выше насъ . А этотъ Архіепископъ Гавріилъ, встрѣчаясь съ митрополитомъ Антоніемъ, до земли склонялся передъ нимъ, въ радости, благодарности и любви...

Архіепископъ Гавріилъ мало оставилъ по себѣ твореній. Есть написанные имъ конспекты его лекцій Братству прп. Серафима въ Бѣлградѣ на темы: „Притчи Господни", „Чудеса Господни" „Бесѣды Господи". Есть его старыя записанныя имъ проповѣди, сказанныя еще въ Россіи. Есть довольно много его музыкальныхъ произведеній, но они еще ждутъ своего издателя.

Но войти въ его духовный міръ, въ міръ его духовной дружбы съ митрополитомъ Антоніемъ, можно читая и изучая творенія послѣдняго. Для этого есть возможность. Если хотя бы прочесть изданный въ 1935 г. сборникъ избранныхъ сочиненій митрополита Антонія—а онъ всѣмъ доступенъ—то станетъ понятнымъ и близкимъ тотъ духъ, который и составлялъ содержаніе духовной дружбы обоихъ архипастырей. Понять этотъ духъ надо не только изъ доброй любознательности, а еще и потому, что усваивая его, какъ то особенно выправляется и вѣрнó устанавливается наша душа. Каждый человѣкъ несетъ и преодолѣваетъ задачи и искушенія своего времени, и потому намъ всегда понятнѣе, и сильнѣе на насъ вліяетъ нашъ современникъ, и голосъ его звучитъ для насъ внятнѣе: у него больше отвѣтовъ на наши вопросы.

Теперь передъ нами, можно сказать одна общая русская задача:—возрожденіе русскаго православнаго человѣка. Его душа подвергается теперь страшному гоненію съ одной стороны и съ другой стороны натиску чуждыхъ или прямо враждебныхъ силъ и вліяній. Они ведутъ борьбу съ русской душой. Но не надо думать, что эта борьба явленіе новое. Она имѣетъ свою исторію. Вспомните прошлый вѣкъ, вспомните борьбу западниковъ, нигилистовъ, позитивистовъ, соціалистовъ; вспомните Толстого и наконецъ всю разнузданность, иногда сатанизмъ,

эротику временъ передъ революціей. „Мы дѣти страшныхъ лѣтъ Россіи“.

Но исторія Россіи не исчерпывается этими явленіями. Въ томъ же прошломъ вѣкѣ былъ русскій потокъ, была Церковь, былъ прп. Серафимъ, митрополитъ Филаретъ, Ѳеофанъ Затворникъ, Іоаннъ Кронштадтскій, были праведные люди Россіи; были православные русскіе люди, былъ Хомяковъ, и Достоевскій. Подлинная православная Россія вела борьбу за свое существованіе, за душу русскаго человѣка. Въ этой борьбѣ есть свое наростаніе, періоды упадка и расцвѣта. Въ концѣ прошлаго и началѣ теперешняго вѣка видно русское православное церковное возрожденіе. Снова, послѣ 20 лѣтъ перерыва, студенты Академіи начали принимать постриженіе и стали загораться желаніемъ подвига во имя Христа. Началась та волна возрожденія, которая потомъ, уже во время революціи дала столько исповѣдниковъ вѣры. Русская мысль, русская душа освободились отъ схоластики и жадно потянулись къ живой жизни во Христѣ, къ подлинному живому духовному церковному опыту. Русскій человѣкъ, причастный къ этому возрожденію, ощущая его, „повѣрилъ въ свою вѣру“—въ ея творческую живительную силу. Онъ сбросилъ съ себя и съ своего ума чуждыя формы и заговорилъ о Богѣ, о вѣрѣ словомъ простымъ, живымъ и свободнымъ. И русская вѣрующая душа принимала это слово, какъ земля принимаетъ долгожданный весенній теплый дождь.

Самой яркой личностью этого возрожденія былъ митрополитъ Антоній, и его благодарно и горячо полюбили русскіе люди и его, какъ самаго дорогого и любимаго, на Московскомъ Соборѣ избрали первымъ кандидатомъ въ Патріархи.

Архіепископъ Гавріилъ, моложе его, былъ весь отъ той же струи русской жизни, куда собирались люди нашедшіе себя въ Церкви и освободившіеся отъ чуждыхъ и враждебныхъ вліяній—ученій, теорій, навыковъ мысли, вкусовъ, и психологіи ..

Наша современная борьба не есть нѣчто для Россіи новое, эта борьба велась и раньше, но наша будущая побѣда и возрожденіе русскаго православнаго человѣка только и можетъ быть на путяхъ продолженія дѣла митрополита Антонія и всѣхъ, кто шелъ за нимъ, ибо это и есть путь желаннаго возрожденія.

Дать возможность въ образахъ и понятной намъ обстановкѣ представить себѣ настроеніе, любовь, мысли, духъ, вообще все духовное содержаніе людей этой струи русскаго возрожденія,—такова задача этого очерка объ архіепископѣ Гавріилѣ.

ACHEVÉ D'IMPRIMER
LE 18 JANVIER 1985
PAR L'IMPRIMERIE
DE LA MANUTENTION
A MAYENNE

N° 8954